

Научная статья

УДК 355.01

doi: 10.17223/19988613/96/16

К вопросу о роли войны в становлении вождества

Сергей Анатольевич Давыдов

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, licurg@inbox.ru*

Аннотация. Предпринимается попытка обосновать причины и выявить способы формирования ранних вертикально интегрированных социальных структур в условиях повышения уровня агрессии архаического общества. Автор находит подтверждение гипотезы о том, что процесс создания иерархических структур был инициирован необходимостью милитаризовать все стороны жизни архаических обществ в целях повышения их конкурентоспособности.

Ключевые слова: архаическое общество, вождество, военный лидер, война, иерархия, племя, социальная структура

Для цитирования: Давыдов С.А. К вопросу о роли войны в становлении вождества // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 125–134. doi: 10.17223/19988613/96/16

Original article

On the role of war in the formation of chieftdom

Sergey A. Davydov

*Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation, licurg@inbox.ru*

Abstract. The main goal of this article is to explain the causes and methods of formation of the early vertically integrated social structures in the conditions of increasing level of aggression in archaic society. Based on the methodological assumptions of American neo-evolutionism, the author hypothesized that the process of hierarchical structures creating was initiated by the tribal elites, which came to the realization of the need to militarize the life of their groups to improve their competitiveness. This hypothesis was tested with the help of a wide archaeological and ethnographic material. It was found that as the level of aggression of archaic societies increased, military leaders increasingly formed around them new social structures, which ensured the implementation of the principle of unity of command and high vertical mobility for everyone who distinguished himself in the war. This attracted to the chief strong and determined people who were willing to take risks and act. Change of the balance of power in an archaic society under constant external pressure, stimulated the process of germination of new socially integrated structures in the social organism of the tribal system. The result of this process was the emergence of a hierarchically organized society, adapted to the effective conduct of war and based on the institutionalized power of a leader.

Keywords: Archaic society, tribe, chieftdom, war, military leader, social structure, hierarchy

For citation: Davydov, S.A. (2025) On the role of war in the formation of chieftdom. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 125–134. doi: 10.17223/19988613/96/16

Введение

Сегодня хорошо известно, что война стала печальной обыденностью уже на этапе формирования раннего стратифицированного общества. Одной из форм общественной организации доклассового общества, имплементированных в новую реальность производящего хозяйства и военного грабежа, стало вождество.

В пользу высокого уровня агрессии архаического общества на фазе вождества свидетельствуют многочисленные археологические данные. Так, историческая

наука говорит о том, что в большинстве изученных на сегодня вождеств оружие наряду с украшениями становится маркером социального статуса его обладателя [1; 2. С. 163–165], военизированным становится образ жизни самых широких слоев населения, включая женщин и детей [3. С. 244; 4–7; 8. С. 75; 9. С. 36], военный лидер становится не только верховным правителем, но и носителем сакральной власти [10. Р. 72; 11. Р. 17; 12; 13. Р. 158–161], а тема войны выходит далеко за пределы повседневности, проникая в религиозные ритуалы и погребальные культы. [4. С. 55; 14. С. 116;

15. С. 276–277]. Тем самым археологические артефакты прочно связывают мир вожества с миром войны.

Но если в настоящее время связь между социальным развитием архаического общества и уровнем его агрессии мало кем оспаривается, то говорить столь же уверенно о причинной обусловленности одной из этих переменных от другой едва ли возможно. С одной стороны, сегодня широко распространена точка зрения, согласно которой войны являются не причиной, а следствием социально-экономического развития доклассового общества. Так, многие специалисты в области социальной философии, антропологии и социологии сходятся во мнении, что процесс усложнения архаического общества был тесно связан с повышением демографической нагрузки на территорию, увеличением богатства и возникновением возможности его насильственного отчуждения, что и привело к росту вовлеченности древних людей в военные конфликты [16]. С другой стороны, сегодня существует и противоположная позиция. Она обсуждается в работах политических антропологов и сводится к тому, что именно «военные действия являются горячим, движущей силой, которая приводит в действие политическую эволюцию. Они осуществляют это посредством разрушения старых мелкомасштабных структур, позволяя построение более крупных... и более сложных политических единиц...» [17. С. 172–178].

Вероятно, в ближайшее время не следует ожидать окончательного решения вопроса о том, стало ли усложнение древнего общества следствием повышения уровня его агрессии и увеличения масштабов вооруженных конфликтов или, наоборот, милитаризация жизни общества и рутинизация войны были вызваны ростом социальной дифференциации и стремлением военных лидеров укрепить свою власть. Однако даже при таком положении вещей рассмотрение войны в качестве значимого фактора социогенеза архаического общества может представляться вполне допустимым, а описание механизмов влияния этого фактора на процесс формирования вожества – имеющим определенную исследовательскую перспективу.

Почему вожества могут носить «мирный» характер

Антропологам и историкам, работающим с археологическими данными и древними текстами, хорошо известны примеры – хотя и немногочисленные – обществ, сумевших создать сложную иерархически организованную социальную структуру, но при этом не характеризовавшихся высоким уровнем агрессии. Вот тут-то на помощь и приходят гибкие аналитические инструменты, находящиеся в арсенале сторонников междисциплинарного направления. Их использование позволяет исследователю дать широкую интерпретацию несоответствия теоретической модели эмпирической реальности, объяснив его особенностями обстоятельств, при которых формировались «мирные» вожества.

Одним из таких обстоятельств принято считать соседство вожества с сильным и развитым оседлым народом. Скажем, культура Гуттиуды – страны вестго-

тов (от готы + *wisi*, по-готски «знатные» [17. Р. 406]) на Дунае и в Северном Причерноморье – к IV в. н.э. в своем социально-экономическом развитии достигла уровня римской провинции, но носила преимущественно мирный характер. В ней применялись передовые по тому времени технологии ремесленного и сельскохозяйственного производства, плотность населения была высокой, а обилие римской монеты, обращавшейся в ее границах, указывает на склонность готов к мирным способам обогащения [18. С. 122, 170, 269; 19. С. 200–206].

В объяснение этого важно иметь в виду, что такими германцы были не всегда. Так, еще двумя столетиями ранее – во II в. н.э. – Публий Корнелий Тацит писал о германцах как о народе, постоянно ведущем междоусобные войны, в ходе которых «все побежденное предается истреблению» [20. С. 57]. Написанный сто лет спустя – в 291 г. н.э. – панегирик Мамертина содержал описание непрерывных конфликтов, в которые были вовлечены две политически независимые группы готов [21]. Хорошо известно также, что в 332 г. готский союз тервингов совершил акт агрессии против многочисленных и воинственных сарматов [22. С. 60]. Можно предположить, что своего рода переломным моментом в истории готов стало то, что в этом конфликте на стороне сарматов выступили римляне. Римская армия, ведомая кесарем Константином II, разбила готское войско, уничтожив многие тысячи готских воинов [23]. Вследствие этого, а также давления со стороны гуннов тервинги были вынуждены признать свое зависимое положение и заключить с Римом договор, согласно которому обязаны были предоставлять римлянам по требованию вооруженных бойцов, получая взамен ежегодные подарки, а также право торговать с приграничными римскими территориями [24. С. 95–96]. Именно с этого периода вестготы на время перешли преимущественно к мирному образу жизни. Племенное войско тервингов стало комплектоваться большей частью из представителей родовой аристократии и редко превышало своим числом 5 тыс. воинов, а внешний вид вестготов и их воинственность стали вызывать у римлян снисходительную насмешку [25. Р. 256–284]. Интересно отметить, что едва Восточно-римская империя начала терять былое могущество, вестготы вновь обратились к агрессивной стратегии и в 410 г. под предводительством Алариха вторглись в Италию и заняли Рим [26. С. 267–290].

Отношения Рима и вестготов являются далеко не единственным примером того, как более сильному в культурном и экономическом отношении соседу удавалось вовлечь в орбиту мирной жизни приграничное вожество. Подобную роль в отношении болгарских и славянских племен Подунавья в VII–VIII вв. н.э. сыграла Византийская империя, такое же влияние в X–XII вв. н.э. она оказала на Киевскую Русь [27]. Россия – уже в XVIII–XIX вв. – сделала куда более миролюбивыми народы Северного Кавказа [28. С. 504, 578, 718] и т.д.

Другим обстоятельством, влияющим на снижение уровня милитаризации вожества, долгое время считалась его относительная изолированность от воин-

ственных соседей. Действие этого фактора рассматривалось на примере вожеств, созданных индейцами майя. Но на деле они, похоже, оказались не таким уж и мирным, а при столкновении с более агрессивными соседями не нашли в себе сил мобилизоваться и попросту прекратили свое существование.

Власть в вожествах майя, как можно судить, передавалась в рамках правящих династий. Об этом свидетельствуют некоторые археологические находки, в частности надписи, найденные в г. Яшчилан, и иероглифические блоки на стелах из Пьедрас-Неграс [29]. Однако, несмотря на высокий уровень социальной дифференциации в обществе майя, оно, по мнению некоторых исследователей, носило относительно «мирный» характер.

Например, Сильваниус Морли полагал, что культура майя в силу своей относительной изолированности от соседей не создала институтов социального контроля и армии, не имела навыков ведения войны [30. Р. 144–146]. Люди занимались подсечно-огневым земледелием и проживали в небольших населенных пунктах, а обществом управляли мудрые жрецы-звездочеты [31]. Похожей точки зрения придерживается и авторитетный исследователь Центральной Америки Росс Хэссиг [32. Р. 71–81]. Он, в частности, отмечал отсутствие среди памятников материальной культуры майя тех, которые недвусмысленно указывали бы на милитаризацию их жизни и военизированный характер их социальной структуры. На этой основе он делал вывод, что майя были значительно более миролюбивыми, чем окружавшие их соседи, а также представители культур Теотиуакана и ацтеков [32. Р. 171–179]. Широкую известность в ряду работ, отстаивающих взгляд на мирный характер майя, получили труды Джона Эрика Томпсона. В них автор отрицал наличие прямых свидетельств, указывавших на агрессивности майя, с упорством трактуя фиксировавшиеся на археологических памятниках изображения знати с оружием в руках исключительно как ритуальные сцены из жизни правителей [33. Р. 81].

Впрочем, сегодня миролюбие майя ставится под сомнение. Например, группа археологов из США под руководством Дэвида Вебстера, проводившая раскопки древнего города Бекан на западе полуострова Юкатан, подтвердила возникшие еще в 30-х гг. XX в. предположения о том, что майя возводили фортификационные сооружения. В результате раскопок было установлено, что вся центральная часть городища была окружена валом и рвом. В некоторых местах высота фортификационных сооружений составляла более 10 м, ширина насыпей была от 3,5 до 4,5 м, а их общая протяженность – 1 890 м [34. Р. 99–100]. Наличие оборонительных укреплений, конечно, недвусмысленно свидетельствует, что население майя все же было знакомо с ведением военных действий, а масштаб инженерных сооружений косвенным образом указывает на интенсивность и широту вооруженных конфликтов.

В пользу такого предположения говорят и другие данные, притом весьма многочисленные. Так, надпись на деревянной балке над дверным проемом в культовое сооружение IV в. в Тикале повествует о войне между правителями Мульстского царства (столица в г. Тикаль)

и царства Саиль (столица в г. Наранхо) [35. С. 209–210]. Хорошо известно также о многочисленных и ожесточенных столкновениях между царствами Баакаль (с центром в г. Паленке) и Попо (центр в г. Тонина) [36. Р. 181; 37. Р. 185]. Только за период с 687 по 693 г. и только на левом берегу Усумасинты было зафиксировано до семи масштабных военных конфликтов, в которые было вовлечено четыре крупных центра майя в союзе с более мелкими политиями [38. С. 87–102]. В целом за период с III по IX в. н.э. современными специалистами отмечается не более 15 лет, не оставивших свидетельств тех конфликтов, в которые вступали военно-политические центры майя. Все остальное время – это время их постоянной войны друг с другом за гегемонию в регионе [39. Р. 41–46; 40].

Тем самым имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят, скорее, о достаточно высоком уровне агрессии в культуре майя. Это важно, поскольку она являет собой пример очень немногочисленной серии обществ, сумевших создать достаточно сложную иерархически организованную социальную структуру и при этом сλυвущих относительно мирным. Важно принять во внимание и то обстоятельство, что относительно невыраженная милитаризация общества майя рассматривается специалистами как особенность, выделяющая его среди других обществ, стоящих на схожей ступени развития. Также важно и то, что именно эта его особенность, по мнению специалистов, положила конец существованию культуры майя, сделав ее легкой добычей более агрессивных тольтеков, вторгшихся с севера в Центральную Мексику и создавших в VIII–IX вв. н.э. на руинах культуры майя свою новую империю [31. Р. 551].

В целом имеющиеся в нашем распоряжении сведения о считающихся «мирными» вожествах, по-видимому, неспособны опровергнуть распространенное в современной науке представление о высокой степени милитаризованности этой формы социальной организации. В этом сходятся и археология, и история, и антропология. С одной стороны, предположения о возможности существования неагрессивных вожеств, развивающихся изолированно, не находят убедительных подтверждений. С другой стороны, случаи, когда вожества действительно не отличались высоким уровнем агрессии, хорошо объясняются силой того умиротворяющего воздействия, которое был способен оказать на них более развитый и сильный сосед. Не менее важным свидетельством принудительного миролюбия вожества является и то, что ослабление центра нередко провоцировало окружающую его варварскую периферию на агрессию по отношению к своему бывшему более сильному соседу. Исключение здесь составляли, пожалуй, только возглавлявшиеся военным предводителем союзы племен, созданные с целью противодействия цивилизирующему центру. Если организация этих социальных образований не достигала уровня, соответствующего вожеству, то, как полагают Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев, созданные на их основе союзы оказывались недолговечными, а власть военного лидера уменьшалась или вовсе исчезала с ослаблением потребности в защите от влияния центра [7. С. 320]. Но подобные исключения могли бы служить подтвер-

ждением общего правила, прочно увязывающего понятие вождества с понятием войны.

Выдвижение военного лидера

Сегодня имеются основания говорить о том, что одним из значимых факторов формирования вождества явилось формирование общественного запроса на выдвижение военного лидера. Необходимость объединения усилий под предводительством решительного и удачливого воина для успешного ведения боевых действий понимали уже в древности. Например, еще в середине IV в. н.э. Марцеллин Аммиан объяснял неубедительность военных достижений готов конфедеративным характером их общества, невысокой способностью многочисленной готской знати к скоординированным действиям и перед нападением на Рим в 364 г. н.э. [41. С. 394], и в период боевых действий Атанариха против гуннов в 375 г. н.э. [42. С. 543]. Слабая способность готов к действиям в рамках иерархических структур рассматривается в качестве фактора, снижавшего их боевой потенциал, и в других источниках [24. С. 125, 194; 42. Р. 107]. Впрочем, в некоторых случаях потребности в успешном проведении военных акций все же воспринимались готской верхушкой как более важные в сравнении с ее желанием сохранить в неизменности свою традиционную власть как лидеров родового строя. И тогда они были вынуждены соглашаться на свое участие в иерархической структуре, действующей в режиме единоначалия и возглавляемой так называемыми *iudex* [26. С. 708] или *δικαστής* – «судьями» [42. Р. 39].

К аналогичным следствиям осознание необходимости в выдвижении лидера с широкими полномочиями для эффективного ведения войны приводило и в обществе кочевников. Например, в § 123–125 «Сокровенных сказаний» монголов описывается, как, посоветовавшись между собой, представители кочевой знати Сача-бек, Алтан, Хучар и др., присягая Темучжину, обещали ему:

«На врагов передовым отрядом мчаться,
Для тебя всегда стараться
Жен и дев прекрасных добывать,
Юрт, вещей вельмож высоких,
Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статьями знаменитых брать
И тебе их тотчас доставлять» [27. С. 42].

В целом можно согласиться с Робертом Карнейро, полагавшим, что в большинстве известных истории и антропологии случаев именно необходимость ведения боевых действий поднимала перед древним обществом проблему выдвижения военного лидера, наделенного широкими полномочиями [43. Р. 17], и уже только после этого община постепенно «теряет свою автономию по отношению к военным предводителям (вследствие чего последние. – С.Д.) становятся во главе одного из важнейших преобразований в эволюции культуры» [5. Р. 35].

Формирование военной аристократии

Если отдельные военные кампании, даже интенсивные и продолжительные и пусть даже возглавляемые

авторитетными военными предводителями, не всегда приводили к разрушению племенной организации древнего общества, то в условиях, когда войны велись непрерывно, утверждение новых иерархических структур становилось практически неизбежным.

С одной стороны, новые принципы общественных отношений находили поддержку у родовой аристократии, понимавшей необходимость поступиться частью своих традиционных привилегий ради участия в функционировании вертикально-интегрированных структур, гарантировавших им сохранение высокого социального положения.

Так, к примеру, произошло в Древней Ирландии, где в V в. н.э. усиление власти верховного военного лидера коренным образом изменило социальную организацию всего общества. Если изначально туат – основная социальная единица древнеирландского общества – был независимым, объединял членов одного рода и возглавлялся выборным вождем, то с возрастанием значения войны в жизни древних ирландцев туат был реформирован и включен в социальные структуры более высокого порядка. Из объединения родичей он превратился в привязанное к территории воинское подразделение, а лидер туата стал заключать своего рода «вассальный договор» с лидером туата более высокого порядка [6. Р. 55; 44. С. 24].

С другой стороны, процесс формирования иерархических структур вождества находил опору у представителей самых широких слоев общества, притом у наиболее деятельной его части. Ведь несмотря на то, что вождество поддерживало сильную социальную дифференциацию, оно одновременно открывало широкий коридор для социальной мобильности. Высокий социальный статус теперь становился доступным не только для представителя родовой аристократии, но и для любого отличившегося в бою – вне зависимости от его происхождения.

Например, испанские хронисты Гонсало Фернандес де Овьедо и Паскуаль де Андагоя свидетельствовали, что в Панаме XVI в. «простые воины, которые совершают великие подвиги на поле боя... награждаются благородным титулом военного капитана [*çabra*]. Вождь впоследствии награждал этих выдающихся воинов женщинами, территорией и ставил под их команду подчиненных. Таким образом, война стала средством, которое простолюдины могли использовать для вхождения в элитный сектор общества» [45. Р. 128]. Археолог Самуэль Лотроп, знакомый с практиками социальной мобильности в данном регионе по рассказам местных жителей, отмечал, что «позиции в военном руководстве присваивались воинам на основе их храбрости и достижений в войне. Эта стратегия военного и социального продвижения гарантировала, что в распоряжении воюющих вождей всегда был корпус амбициозных, боеспособных бойцов, жаждущих возможности совершать великие подвиги на войне» [45. Р. 128].

Похожая картина наблюдалась и на Фиджи. Там до прихода европейцев боевые действия также были частым явлением и отличались ожесточенностью, а выдающиеся военные подвиги высоко оценивались. Например, воину, забившему насмерть врага, присваи-

вали почетный титул *Koroï* [46. Р. 43]. Если же отличался в бою воин, который уже имел высокий ранг, то присваиваемые ему титулы были поистине грандиозными: «делитель такого-то и такого-то района», «расточитель такого-то побережья», «принесший смерть населению такого-то острова» и т.п. [46. Р. 43–44].

Надо оговориться, однако, что на Фиджи все же существовал предел тому, как высоко могли вынести человека его воинское мастерство и доблесть. Происхождение воина оставалось важным фактором его социального положения [46. Р. 25, 27]. Аналогичные ограничения существовали и в кочевых вождествах. Например, Н.Н. Крадин определенно фиксировал в обществе хунну существование барьеров в возможностях повышения социального статуса воина. Границы его восходящей социальной мобильности определялись происхождением и местом в кланово-родовой группе [47. С. 148–149]. Однако Крадин отмечал, что эти ограничения не были тотальными. В первую очередь статус хунна обуславливался его боевыми заслугами, доблестью и репутацией удачливого воина. Война открывала ему перспективы социального роста, но при этом не прощала провинностей и проявлений трусости: за это любой мог лишиться своего положения [47. С. 180–181].

В целом имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают, что война формировала новый облик элит архаического общества и обеспечивала возможность быстрого социального роста для сильных, решительных и мужественных людей. Война наделяла их социальными, экономическими и символическими ресурсами, предоставляя военной аристократии все возможности для того, чтобы она смогла стать движущей силой деконструкции родового строя и встать в авангарде дальнейших социальных преобразований.

Узурпация власти военным предводителем

Особая роль в процессе социальных преобразований принадлежала верховному военному предводителю. Роль эта сильно отличалась от той, что исполнял избираемый народом на определенный срок и стесненный институтами родового строя племенной вождь. Вождь нового типа со всей решительностью осуществлял действия, выходящие за рамки привычного образа военного предводителя.

Иногда он принимал на себя исполнение новых функций, дополнявших его основную функцию военного лидера. Например, сегодня можно понять, насколько вырос авторитет военного предводителя в Древнем Израиле в период правления Давида. Вступив во власть в качестве военного вожака, Давид возложил на себя обязанности организатора строительных работ по возведению фортификационных сооружений в приграничных областях еврейской территории. Археологические исследования показывают, что в основной массе древнееврейские укрепления представляли собой каменные стены-катакомбы с сетью внутренних ходов, каковыми он были, к примеру, в городище Хирбет, располагавшемся всего в 12 км от форпоста филистимлян г. Гефа и потому требовавшем усиленной инженерной защиты [48. Р. 25]. Естественно, проведение

масштабных общественных работ подобного рода требовало легитимации права военного предводителя отчуждать от домохозяйств необходимые для строительства материальные и трудовые ресурсы и, следовательно, поднимало престиж военного лидера, увеличивало социальную дистанцию между ним и основной массой общинников.

Однако иногда действия вождей, направленные на укрепление их власти, отличались куда меньшей созидательностью и были связаны исключительно с принуждением и репрессиями. Действуя так и опираясь на подчиненных воинов, которые были «слабо связаны с традиционными общественными структурами и ориентированы на личную преданность своему военачальнику» [49. С. 36], вожди добивались для себя все больших привилегий. Например, военные предводители Скандинавии уже в середине XIII в. присвоили себе право самостоятельно назначать преемника, в то время как прежде престол доставался избранному вождю [50. С. 481, 501, 524, 571, 573]. Силовой ресурс применяли и военные предводители номадов. Например, по мнению В.В. Бартольда, в ранние периоды тюркского каганата «всякая власть в действительности являлась узурпацией» [51. С. 427] и лишь впоследствии была институционализирована, но уже на новых принципах. Аналогично, если лидерство первых Чингизидов легитимировалось выборами, то, укрепив свою власть, они создали удельную систему, в которой предводитель выделял старших сыновей еще при жизни, а младшему завещал собственный улус-удел [52. С. 146].

В ряде случаев действия вождей по узурпации власти носили явно провокационный характер, показывая готовность военного лидера ставить себя выше традиций. Один из них описан Григорием Турским в «Истории франков». Автор повествует о том, как в результате грабежа одной церкви из Суассона франки кроме прочего захватили чашу редкой красоты. Древний обычай требовал поделить все награбленное имущество поровну. Но вождь франков Хлодвиг попросил своих воинов помимо его доли отдать ему и эту чашу без дележа. Большинство воинов не возражали, но один из них призвал своего вождя, как это требовала традиция, получить свою долю по жребью и разрубил чашу пополам своей секирой. Дождавшись удобного момента, Хлодвиг расколол череп обидчику со ловами: «Вот так и ты поступил с той чашей в Суассоне». Когда тот умер, он приказал остальным разойтись, наведя на них своим поступком большой страх» [53. С. 160–161].

Подобные действия вождя подавляли волю к сопротивлению не только у массы не вовлеченных в военные структуры общинников, но и у его ближайшего окружения, чем открывали ему новые возможности для укрепления своей власти. Как отмечал в связи с этим Роберт Карнейро, именно «принуждение, а не просвещенная заинтересованность, есть механизм, который шаг за шагом направлял политическую эволюцию от автономных общин к государству» [54. С. 57], «только благодаря прямому использованию силы... могли возникнуть вождества...» [55. С. 165].

Но, конечно, одного желания военных лидеров и их ближайшего окружения стать во главе новой социаль-

ной организации было недостаточно. Как отмечал Калерво Оберг, в условиях преобладания социальных структур родового строя положение вождя в архаическом обществе, по сути, оставалось бы прежним. К такому выводу он пришел, анализируя социальную организацию тлинкитов, верхушка которых не сумела сломать автономию домохозяйств, в результате чего на северо-западном побережье Америки «никакой политической организации не появилось, вожди оставались церемониальными фигурами, экономическими лидерами или военачальниками родственных групп» [56. Р. 476]. Это дает основания полагать, что для формирования вождества требовалось еще одно условие: усилия военного лидера по созданию милитаризованных структур должны были находить свою легитимацию в том значении, которое они имели в деле обеспечения безопасности общества.

Милитаризация социальной структуры с целью защиты сообщества

Действительно, при определенных обстоятельствах осознанная большинством необходимость защиты от военных угроз служила катализатором ускоренного развития общества в рамках его новой политической организации.

Например, сегодня хорошо изучены обстоятельства, в которых формировалось вертикально интегрированное общество в Древнем Израиле. С одной стороны, создаваемые войной опасности и риски побуждали евреев искать защиты в многолюдных и хорошо защищенных центрах и развивать технологии ремесленного производства для изготовления оружия. Как полагал А. Фауст, именно «проблема безопасности вызывала отток людей из сельских поселений и концентрацию населения в больших центрах» [57. Р. 155]. И действительно, в результате проведенных археологических исследований было установлено, что в период с XI по X в. до н.э. на место небольших и лишенных фортификационной защиты сельских поселений (Избет Сартах, Тель Масос, Шило, Хирбет Раддана и др.) приходят окруженные укреплениями города (Тель-эс-Цувейд, Мегиддо, Хацор, Лахиш, Танах и др.), и именно с этого времени в городах отмечается рост производства изделий из железа [58]. Рост урбанизации населения Древнего Израила и сопровождавший его рост профессиональной дифференциации создавали социально-экономическую основу для формирования сложного стратифицированного общества, в котором власть могла быть сконцентрирована в руках правителя, стоявшего на вершине социальной пирамиды.

С другой стороны, в этот же самый период – в XI – начале X в. до н.э. – здесь формируются и военно-политические предпосылки для формирования вождества. Так, известно, что Давид предпринял решительные меры по формированию хорошо организованной армии. Костяк ее составила профессиональная армия – дружина из «храбрых» или «сильных Давида» под предводительством Иоава, включавшая в том числе и наемников под началом Ванея [20]. Важно отметить, что этнический состав армии был неоднороден. По-

мимо евреев в нее входили критяне, гефяне, филистимляне, хетты и аммонитяне. Это имело важное значение, поскольку такая армия теряла свойственную народному ополчению связь с племенными структурами и, функционируя на принципах единоначалия, становилась надежной опорой военного предводителя, основой его власти над общинниками. В итоге, грамотно используя и расширив свои возможности как военного лидера, Давид за период своего правления сумел создать в Древнем Израиле надстройку над племенными отношениями в виде стабильно работающих иерархических структур, которые организовывали людей в общество, обладающее большинством признаков вождества и даже рядом черт государства [59. Р. 328].

Важно отметить, что война не только создавала предпосылки для формирования социальной структуры нового типа. Она самым непосредственным образом определяла тот облик, который в ходе преобразований принимало общество.

В ряде случаев социальная структура приобретала особенности, которые становились прямым следствием войны и служили для победителей способом закрепить свое господствующее положение.

Наиболее известным примером здесь является общество, созданное спартиатами. Большинство исследователей сходятся во мнении, что милитаризованный характер его структуры был обусловлен не только соображениями обороны от внешней угрозы, но, прежде всего, необходимостью держать в повиновении численно превосходящих илотов – потомков греков-ахейцев, владевших югом Пелопоннеса до вторжения туда дорийцев [60. С. 84–92].

Не менее яркий пример являет собой общество, созданное проживающим в высокогорьях Папуа–Новой Гвинеи народом баруйя. По описанию Мориса Годелье, оно возникло, «по-видимому, в XVIII в. в ходе войн. Вследствие этих войн избежавшие уничтожения восемь кланов одного из племен, йуйе, оставили места своего проживания и нашли приют у другого племени, андже. В результате переселенцы изгнали приютивших их андже. В настоящее время племя включает в себя пятнадцать кланов, восемь из которых являются потомками переселенцев, захвативших чужую землю, а семь – потомками автохтонных кланов – их союзников в борьбе с андже или примкнувших к ним семей... Руководят инициациями представители кланов победителей, – и в этом состоит основа “политико-религиозной” организации системы, созданной баруйя» [61. Р. 42–43].

Милитаризация социальной структуры общностей, нацеленных на военную агрессию

Говоря о прямом влиянии войны на формирование социальной иерархии, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Похоже, что оно наблюдалось не только в случаях, когда сообщество пыталось защитить себя или закрепить результаты своих побед. Такое наблюдалось и тогда, когда группа только ставила перед собой захватнические цели. Здесь бросается в глаза явно выраженный милитаризованный

характер социальной структуры вожеств – в особенности тех, которые отличались высоким уровнем агрессии.

Один из примеров тому – социальная организация монголов. С одной стороны, Чингизидам достаточно быстро удалось побороть автономию вождей-хаанов и создать стабильно работающую вертикаль сласти. Интересы централизации власти требовали принятия решительных мер, направленных на переподчинение родов, некогда подконтрольных собственной аристократии [62. С. 96], верховному предводителю. Бывшие аристократы и свободные воины – нукеры – в значительной степени утратили свою независимость и превратились в нойонов, наделяемых властью уже не силой традиции или благородством происхождения, а волей начальника. Именно начальник теперь не только утверждал их в статусе, но и узаконивал их право владеть аилами с населением, а также пользоваться кочевьями [62. С. 92, 111].

С другой стороны, бросается в глаза военизированной характер социальной структуры монголов. Так, еще Чингисхан ввел деление всего населения на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тьмы». При этом представители монгольских родов и племен были нередко рассредоточены по разным подразделениям и соединениям, имели различную территориальную локацию. Иногда, правда, родовой аристократии удавалось сохранять в своем подчинении членов своего рода. Но и в этом случае их власть приобретала узаконенный верховным предводителем вид, принимая форму власти нойона над собственным родом или племенем [62. С. 104–105, 110–111].

Похожий облик имела социальная структура хунну. Их орда помимо ряда хуннских племен включала в себя и несколько союзнических, а фактически подчиненных племен, возглавляемых родовыми вождями.

Все кочевники объединялись в «десятки», «сотни», «тысячи» и «тумены» [63. С. 49]. В свою очередь, «тумены» являлись составными частями «крыльев» – правого, левого и центрального. «Военачальник левого крыла занимал восточную часть хуннских владений, а командующий правым крылом – западную часть. Первый из них был старшим по отношению ко второму, поскольку восточная сторона считалась более почетной, чем западная» [38. С. 107]. Каждое «крыло» делилось на две части, которыми предводительствовали сянь-ван и лули-ван, а власть над ним вершил чжуки-князь, или сянь-ван [64. С. 11]. Наивысшими привилегиями в орде обладали представители знатного хуннского рода Люанти, которые занимали ведущие позиции в административном аппарате вожества. На вершине социальной пирамиды восседал шаньюй, «одаренный небесной благодатью» и «подчиненный небу» [65. С. 10].

В целом можно согласиться с мнением Н.Н. Крадина, что социальная организация большинства объединений кочевников имела много общих черт. И монголы, и хунну, и Сяньби, и Тоба, и Муюн, и каганаты тюрков и уйгуров характеризовались многоуровневой иерархией, преимущественно триадным принципом социальной дифференциации в верхних стратах общества и десятичным – в нижних [66. С. 127, 135–138].

Как представляется, это повышало уровень адаптации социальной структуры кочевников к задачам успешного ведения войны. Ведь такая структура обеспечивала быструю мобилизацию больших масс населения, быстрое прохождение и беспрекословное исполнение приказов, делегирование полномочий на нижестоящие уровни управления, открывала перспективы социального роста для тех, кто отличился в бою.

Резюме

Таким образом, результаты изучения археологических данных, литературных памятников и наблюдений антропологов позволяют определить систематическое ведение военных действий в качестве значимого фактора формирования в архаических обществах вертикально интегрированных социальных структур. Наш анализ показывает, что родовой строй не был в полной мере приспособлен для ведения войны, ставшей широко распространенным явлением на поздних этапах развития архаического общества. Рыхлые конфедерации родов и племен, не связанные принципом единичности и дисциплиной, были ослаблены в своей способности вести борьбу за выживание. Они неизбежно должны были или коренным образом трансформироваться, или вовсе уйти с авансены истории, уступив место обществам, структура которых была лучше приспособлена к решению этой задачи. Обществами, структура которых оказалась весьма хорошо приспособленной для ведения войны, стали вожества.

Формирование вожеств представляло собой довольно длительный процесс. На первых этапах потребности войны выдвигали на передний план из представителей родовой аристократии военного лидера, полномочия которого все еще были ограничены институтами родового строя. Но по мере того как военные действия «подпитывали сами себя» [67. С. 219] и становились все более интенсивными, авторитет военного предводителя возрастал, а вместе с ним возрастала и его власть. Вождь окружал себя наиболее активными, сильными и решительными людьми, желавшими быстро повысить свой материальный и социальный статус «в обход» коридоров вертикальной мобильности, существовавших в их роде, фратрии или племени. Тем самым создавалась социальная организация, которая некоторое время сосуществовала параллельно со структурами родового строя. Такое сосуществование могло наблюдаться до тех пор, пока традиционные структуры оставались крепкими. Но война создавала социальные предпосылки для их коренной перестройки. С одной стороны, она способствовала разрушению социальной структуры родового строя, а с другой – стимулировала прорастание в социальный организм новых социальных структур, имеющих иерархическую организацию, реализующих принцип единоначалия и обеспечивающих высокую вертикальную мобильность для всякого отличившегося в войне. Закономерным результатом социальных трансформаций стало возникновение вожества – вертикально интегрированного общества, хорошо приспособленного для эффективного ведения войны и основанного на институционализированной власти лидера.

Список источников

- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М. : ИА РАН, 2004. С. 179–210.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : ИрГТУ, 2005. С. 152–182.
- Фиалко Е.Е. Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам // Боспорский феномен: проблемы соотношения письменных и археологических источников : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2005. С. 242–247.
- Богаченко Т.В., Максимова В.Е. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград : ВГУ, 2008. Вып. 9. С. 48–61.
- Haas J. Introduction to Part II // From Leaders to Rulers / J. Haas (ed.). New York : Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2001. P. 35–36.
- O'Corrian D. Ireland before the Normans. Dublin : Gill and Macmillan, 1972. 210 p.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформация Мир-Системы. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 568 с.
- Стрижак М.С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск : ЮУрГУ, 2007. С. 71–75.
- Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск : Челяб. дом печати, 2005. Кн. 1. 192 с.
- Davydov S. The Chief and His Sacral Power // Wisdom. 2016. Vol. 6 (1). P. 72–78.
- Frankfort H. La Royauté et les Dieux. Paris : Payot, 1961. 436 p.
- Roux J. L'origine celeste de la souveraineté dans les inscriptions paleolitiques de Mongolie et de Sibirie // The Sacral Kingship. Leiden : E.J. Brill, 1959. P. 237–239.
- Roux J. La religion des Turcs et des Mongols. Paris : Payot, 1984. 323 p.
- Миняев С.С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сунну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово : КемГУ, 1989. Ч. I. С. 114–117.
- Полосмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. : Изд-во полит. лит., 1976. 224 с.
- Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden : E.J. Brill, 1986. 712 p.
- Зиньковская И.В. Королевство Эрманириха: история и археология. Саарбрюккен : LAP, 2011. 444 с.
- Шуклин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2005. 575 с.
- Тацит К. Сочинения : в 2 т. СПб. : Л.Ф. Пантелеев, 1886. Т. 1: Агрикола. Германия. Истории. 337 с.
- Панегирик Мамертина, произнесенный в день рождения августа Максимиана. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/panegyrici/transl3-f.htm> (дата обращения: 18.02.2020).
- Вдовиченков Е.В. Ардарагенты и лимиганты (к вопросу об отношениях зависимости у сарматов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25), ч. II. С. 59–61.
- Аноним Вalezия. Извлечения // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Anon_Valez/text.phtml?id=10726 (дата обращения: 18.01.2019).
- Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / пер. с нем. СПб. : Ювента, 2003. 653 с.
- Wolfram H. History of the Goths / trl. T.J. Dunlop. Berkeley : University of California Press, 1987. 627 p.
- Ambrosius Mediolanensis Sanctus. De Spiritu Sancto Libri Tres Ad Gratianum Augustum. Lib. 1 // Patrologia Latina. Paris, 1845. P. 703–742.
- Козин С.А. Сокровенное Сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Т. 1. 620 с.
- Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : АСТ Москва, 2008. 839 с.
- Proskouriakoff T. Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala // American Antiquity. 1960. Vol. 25. P. 454–475.
- Morley S., Brainerd G. The Ancient Maya. 3rd ed. Stanford : Stanford University Press, 1956. 494 p.
- Morley S. The Maya new empire // Cooperation in Research. Washington : Carnegie Institution of Washington, 1938. P. 533–565.
- Hassig R. War and Society in Ancient Mesoamerica. Berkeley : University of California Press, 1992. 337 p.
- Thompson J.E.S. The Rise and Fall of Maya Civilization. Norman : University of Oklahoma Press, 1954. 287 p. (Civilizations of the American Indian; 39.)
- Webster D. Defensive Earthworks at Becan, Campeche, Mexico: Implications for Maya Warfare. New Orleans : Tulane University, Middle American Research Institute, 1976. 134 p.
- Сафронов А.В. Опыт и перспективы применения геоинформационных систем в реконструкции исторической политической географии древних майя // Восток, Европа, Америка в древности : сб. науч. тр. XVII Сергеевских чтений. М. : Изд-во МГУ, 2012. Вып. 2. С. 205–217.
- Martin S., Grube N. Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya. London ; New York : Thames and Hudson, 2000. 240 p.
- Miller M., Martin S. Courtly Art of the Ancient Maya. New York : Thames and Hudson, 2004. 303 p.
- Сафронов А.В. Военные походы у древних майя: организация и логистика. М. : Языки славянской культуры, 2013. 252 с. (Краткие сообщения Института археологии РАН; вып. 231).
- Houston S. Hieroglyphs and History at Dos Pilas: Dynastic Politics of the Classic Maya. Austin : University of Texas Press, 1993. 181 p.
- Martin S., Grube N. Maya Superstates // Archaeology. 1995. № 6. P. 41–46.
- Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни; науч. ред., вступ. ст. Л.Ю. Лукомского. 3-е изд. СПб. : Алтейя, 2000. 558 с.
- Heather P., Matthews J. The Goths in the Fourth Century. Liverpool : Liverpool University Press, 1991. 211 p.
- Carneiro R.L. The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation // Social Evolution and History. 2012. Vol. 11 (2). P. 5–30.
- Шкунаев С.В. Община и общество западных кельтов. М. : Наука, 1980. 192 с.
- Redmond E.M. Tribal and Chiefly Warfare in South America. Ann Arbor : Museum of Anthropology, University of Michigan, 1994. 128 p.
- Williams T. Fiji and the Fijians. London : Hodder & Stoughton, 1870. 592 p.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток : Дальнаука, 1996. 278 с.
- Khirbet Qeiyafa / Y. Garfinkel, S. Ganor (eds.). Jerusalem : Israel Exploration Society and Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem, 2009. Vol. 1: Excavation Report. 2007–2008. XIX, 304 p.
- Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М. : Вост. лит., 1995. С. 11–61.
- Гуревич А.Я., Кузьменко Ю.К., Смирницкая О.А., Стеблин-Каменский М.И. Стурлусон. Круг Земной. М. : Ладомир-Наука, 1995. 685 с.
- Бартольд В.В. Обзор истории тюркских народов // Бартольд В.В. Сочинения. М. : Изд-во вост. лит., 1968. Т. V. С. 396–465.
- Бартольд В.В. История Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М. : Изд-во вост. лит., 1963. Т. II, ч. I. С. 107–166.
- Григорий Турский. История франков. М. : Наука, 1987. Кн. II. 464 с.

54. Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги : сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина и др. Волгоград : Учитель, 2006. С. 55–70.
55. Карнейро Р.Л. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка // Политическая антропология традиционных и современных обществ : материалы Междунар. конф. (Владивосток, 16–17 апреля 2012 г.) / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: Изд. Дом Дальневост. фед. ун-та, 2012. С. 162–189.
56. Oberg K. Types of Social Structure Among the Lowland Tribes of South and Central America // *American Anthropologist*. 1955. № 57. P. 472–487.
57. Faust A. Abandonment, Urbanization, Resettlement and the Formation of the Israelite // *Near Eastern Archaeology*. 2003. Vol. 66 (4). P. 153–165.
58. McNutt P.M. The Forging of Israel. Iron Technology, Symbolism, and Tradition in Ancient Society. Sheffield : Almond Press, 1990. 307 p.
59. Flanagan J.W. Chiefs in Israel // Community, Identity, and Ideology: Social Science Approaches to the Hebrew Bible / Ch.E. Carter, C.L. Meyers (eds.). Indiana : Eisenbrauns, 1996. pp. 311–334.
60. Беккер К.-Ф. Мифы древнего мира. М. : Эксмо, 2016. 672 с.
61. Godelier M. Les tribus dans l'Histoire et face aux Jats. Paris : CNRS Editions, 2010. 88 p.
62. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л. : Акад. наук, 1934. 223 с.
63. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы : Жалынбаспасы, 1998. Т. 1. 390 с.
64. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. М. : Наука, 1973. Вып. 2. 169 с.
65. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до манчжуров. М. : Вост. лит., 1997. 318 с.
66. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток : Дальнаука, 1992. 240 с.
67. Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. М.: КомКнига, 2007. 236 с.

References

1. Petrenko, V.G., Maslov, V.E. & Kantorovich, A.R. (2004) Pogrebenie znatnoy skifyanki iz mogil'nika Novozavedennoe-II (predvaritel'naya publikatsiya) [The Burial of a Noble Scythian Woman from the Novozavedennoe-II Burial Ground (Preliminary Publication)]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznogo veka Yuga Rossii* [Archaeological Monuments of the Early Iron Age in Southern Russia]. Moscow: IA RAS. pp. 179–210.
2. Matrenin, S.S. & Tishkin, A.A. (2005) Bulan-kobinskaya kul'tura Gornogo Altaya [The Bulan-Koba Culture of the Altai Mountains]. In: *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii* [Social Structure of Early Nomads of Eurasia]. Irkutsk: IrSTU. pp. 152–182.
3. Fialko, E.E. (2005) Skifskie amazonki po pis'mennym i arkheologicheskim istochnikam [Scythian Amazons According to Written and Archaeological Sources]. In: Zuev, V.Yu. (ed.) *Bosporskiy fenomen: problemy sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov* [The Bosphoran Phenomenon: Problems of Correlation between Written and Archaeological Sources]. St. Petersburg: Gos. Ermitazh. pp. 242–247.
4. Bogachenko, T.V. & Maksimenko, V.E. (2008) Pogrebeniya "zhenshchin s oruzhiem" epokhi rannego zheleznogo veka na Donu (metodologicheskie aspekty problemy izucheniya) [Burials of "Women with Weapons" of the Early Iron Age on the Don (Methodological Aspects of the Study Problem)]. *Nizhnepovolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*. 9. pp. 48–61.
5. Haas, J. (2001) Introduction to Part II. In: Haas, J. (ed.) *From Leaders to Rulers*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers. pp. 35–36.
6. O'Corrian, D. (1972) *Ireland before the Normans*. Dublin: Gill and Macmillan.
7. Grinin, L.E. & Korotaev, A.V. (2013) *Sotsial'naya makroevolyutsiya: genezis i transformatsiya Mir-Sistemy* [Social Macroevolution: Genesis and Transformation of the World-System]. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM.
8. Strizhak, M.S. (2007) O zhenskikh pogrebeniyakh s oruzhiem kochevnikov Priural'ya i Povolzh'ya v VI – nachale IV vv. do n.e. [On Female Burials with Weapons of the Nomads of the Urals and Volga Regions in the 6th – Early 4th Centuries BC]. In: *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya* [Sarmatian Weaponry: Regional Typology and Chronology]. Chelyabinsk: YuUrSU. pp. 71–75.
9. Epimakhov, A.V. (2005) *Rannie kompleksnye obshchestva Severa Tsentral'noy Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5)* [Early Complex Societies of the North of Central Eurasia (Based on Materials from the Kamenny Ambar-5 Burial Ground)]. Vol. 1. Chelyabinsk: Chelyabinskii dom pechati.
10. Davydov, S. (2016) The Chief and His Sacral Power. *Wisdom*. 6(1). pp. 72–78.
11. Frankfort, H. (1961) *La Royauté et les Dieux*. Paris: Payot.
12. Roux, J. (1959) L'origine celeste de la souveraineté dans les inscriptions paleolitiques de Mongolie et de Sibirie. In: Brill, E.J. (ed.) *The Sacral Kingship*. Leiden: Brill. pp. 237–239.
13. Roux, J. (1984) *La religion des Turcs et des Mongols*. Paris: Payot.
14. Minyaev, S.S. (1989) "Sotsial'naya planografiya" pogrebal'nykh pamyatnikov syunnu ["Social Planigraphy" of the Xiongnu Burial Sites]. In: Dobzhanskiy, V.N. (ed.) *Problemy arkheologii skifo-sibirskogo mira (sotsial'naya struktura i obshchestvennyye otnosheniya)* [Problems of Archeology of the Scythian-Siberian World (Social Structure and Public Relations)] Vol. 1. Kemerovo: KemSU. pp. 114–117.
15. Polosmak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [The Horsemen of Ukoka]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
16. Engels, F. (1976) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Translated from German. Moscow: Izd-vo polit. lit.
17. Lehmann, W.P. (1986) *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden: Brill.
18. Zinkovskaya, I.V. (2011) *Korolevstvo Ermanarika: istoriya i arkheologiya* [The Kingdom of Ermanaric: History and Archaeology]. Saarbrücken: LAP.
19. Shchukin, M.B. (2005) *Gotskiy put'. Goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura* [The Gothic Way. The Goths, Rome and the Chernyakhov Culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
20. Tacitus, C. (1886) *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: L.F. Pantelev.
21. Mamertinus. (n.d.) *Panegirik Mamertina, proiznesennyy v den' rozhdeniya avgusta Maksimiana* [Panegyric of Mamertinus, delivered on the birthday of Augustus Maximian]. [Online] Available from: <http://ancientrome.ru/antlitrr/panegyrici/transl3-f.htm> (Accessed: 18th February 2020).
22. Vdovichenkov, E.V. (2012) Ardaraganty i limiganty (k voprosu ob otnosheniyakh zavisimosti u sarmatov) [Ardaraganty and limiganty (on relations of dependence among the Sarmatians)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 11(25/2). pp. 59–61.
23. Anon. (n.d.) *Anonim Valezija. Izvlecheniya* [Anonymus Valesianus. Excerpts]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Anon_Valez/text.phtml?id=10726 (Accessed: 18th January 2019).
24. Wolfram, H. (2003) *Goty. Ot istokov do serediny VI veka (opyt istoricheskoy etnografii)* [The Goths: From their Origins to the Mid-Sixth Century (An Essay in Historical Ethnography)]. Translated from German. St. Petersburg: Yuventa.
25. Wolfram, H. (1987) *History of the Goths*. Translated from German by T.J. Dunlop. Berkeley: University of California.
26. Ambrosius Mediolanensis Sanctus. (1845) *De Spiritu Sancto Libri Tres Ad Gratianum Augustum*. Lib. 1. In: *Patrologia Latina*. Paris: [s.n.]. pp. 703–742.
27. Kozin, S.A. (1941) *Sokrovennoe Skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g.* [The Secret History of the Mongols. A Mongolian Chronicle of 1240]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
28. Gumilev, L.N. (2008) *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Old Rus and the Great Steppe]. Moscow: AST.
29. Proskouriakoff, T. (1960) Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala. *American Antiquity*. 25. pp. 454–475. DOI: 10.2307/276633

30. Morley, S. & Brainerd, G. (1956) *The Ancient Maya*. 3rd ed. Stanford: Stanford University Press.
31. Morley, S. (1938) The Maya new empire. In: *Cooperation in Research*. Washington: Carnegie Institution of Washington. pp. 533–565.
32. Hassig, R. (1992) *War and Society in Ancient Mesoamerica*. Berkeley: University of California Press.
33. Thompson, J.E.S. (1954) *The Rise and Fall of Maya Civilization*. Norman: University of Oklahoma Press.
34. Webster, D. (1976) *Defensive Earthworks at Becan, Campeche, Mexico: Implications for Maya Warfare*. New Orleans: Tulane University, Middle American Research Institute.
35. Safronov, A.V. (2012) Opyt i perspektivy primeneniya geoinformatsionnykh sistem v rekonstruktsii istoricheskoy politicheskoy geografii drevnikh maya [Experience and prospects of using geographic information systems in the reconstruction of the historical political geography of the ancient Maya]. In: *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti* [East, Europe, America in Old Times]. Vol. 2. Moscow: MSU. pp. 205–217.
36. Martin, S. & Grube, N. (2000) *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London; New York: Thames and Hudson.
37. Miller, M. & Martin, S. (2004) *Courtly Art of the Ancient Maya*. New York: Thames and Hudson.
38. Safronov, A.V. (2013) *Voennye pokhody u drevnikh maya: organizatsiya i logistika* [Military Campaigns of the Ancient Maya: Organization and Logistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
39. Houston, S. (1993) *Hieroglyphs and History at Dos Pilas: Dynastic Politics of the Classic Maya*. Austin: University of Texas Press.
40. Martin, S. & Grube, N. (1995) Maya Superstates. *Archaeology*. 6. pp. 41–46.
41. Ammian Marcellin. (2000) *Rimskaya istoriya* [Roman History]. Translated from Latin by Yu.A. Kulakovskiy, A.I. Sonni. 3rd ed. St. Petersburg: Aleteya.
42. Heather, P. & Matthews, J. (1991) *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool: Liverpool University Press.
43. Carneiro, R.L. (2012) The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation. *Social Evolution and History*. 11(2). pp. 5–30.
44. Shkunaev, S.V. (1980) *Obshchina i obshchestvo zapadnykh kel'tov* [The Community and Society of the Western Celts]. Moscow: Nauka.
45. Redmond, E.M. (1994) *Tribal and Chiefly Warfare in South America*. Ann Arbor: Museum of Anthropology. University of Michigan.
46. Williams, T. (1870) *Fiji and the Fijians*. London: Hodder & Stoughton.
47. Kradin, N.N. (1996) *Imperiya khunnu* [Xiongnu Empire]. Vladivostok: Dal'nauka.
48. Garfinkel, Y. & Ganor, S. (eds) (2009) *Khirbet Qeiyafa*. Vol. 1. Jerusalem : Israel Exploration Society and Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem.
49. Kradin, N.N. (1995) Vozhdstvo: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya [Chieftdom: Current State and Problems of Study]. In: Popov, V.A. (ed.) *Rannie formy politicheskoy organizatsii* [Early Forms of Political Organization]. Moscow: Vost. lit. pp. 11–61.
50. Gurevich, A.Ya., Kuzmenko, Yu.K., Smirnit'skaya, O.A., Steblin-Kamenskiy, M.I. (1995) *Sturluson. Krug Zemnoy* [Sturluson. The Circle of the Earth]. Moscow: Ladomir-Nauka.
51. Bartold, V.V. (1968) *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. Moscow: Izd-vo vost. lit. pp. 396–465.
52. Bartold, V.V. (1963) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo vost. lit. pp. 107–166.
53. Gregory of Tours. (1987) *Istoriya frankov* [History of the Franks]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
54. Carneiro, R.L. (2006) Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva [Theory of the Origin of the State]. In: Grinin, L.E. et al. (eds) *Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [The Early State, Its Alternatives and Analogues]. Volgograd: Uchitel'. pp. 55–70.
55. Carneiro, R.L. (2012) Teoriya ogranicheniya: raz'yasnenie, rasshirenie i novaya formulirovka [Theory of Limitation: Explanation, Expansion, and New Formulation]. In: Kradin, N.N. (ed.) *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political Anthropology of Traditional and Modern Societies]. Vladivostok: Far Eastern Federal University. pp. 162–189.
56. Oberg, K. (1955) Types of Social Structure Among the Lowland Tribes of South and Central America. *American Anthropologist*. 57. pp. 472–487.
57. Faust, A. (2003) Abandonment, Urbanization, Resettlement and the Formation of the Israelite. *Near Eastern Archaeology*. 66(4). pp. 153–165.
58. McNutt, P.M. (1990) *The Forging of Israel. Iron Technology, Symbolism, and Tradition in Ancient Society*. Sheffield: Almond Press. pp. 172–186.
59. Flanagan, J.W. (1996) Chiefs in Israel. In: Carter, Ch.E. & Meyers, C.L. (eds) *Community, Identity, and Ideology: Social Science Approaches to the Hebrew Bible*. Indiana: Eisenbrauns. pp. 311–334.
60. Bekker, K.-F. (2016) *Mify drevnego mira* [Myths of the Ancient World]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
61. Godelier, M. (2010) *Les tribus dans l'Histoire et face aux Etats*. Paris: CNRS Éditions.
62. Vladimirtsov, B.Ya. (1934) *Obshchestvennyy stroy mongolov: mongol'skiy kochevoy feodalizm* [Social structure of the Mongols: Mongolian nomadic feudalism]. Leningrad: Akad. nauk.
63. Bichurin, N.Ya. (1998) *Sobranie svyedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Information about the Peoples who Inhabited Central Asia in Ancient Times]. Vol. 1. Almaty: Zhalynbaspasy.
64. Taskin, V.S. (1973) *Materialy po istorii syunnu* [Materials on the history of the Xiongnu]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
65. Kychanov, E.I. (1997) *Kochevye gosudarstva ot gunnov do manchzhurov* [Nomadic states from the Huns to the Manchus]. Moscow: Vost. Literatura.
66. Kradin, N.N. (1992) *Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoy kharakteristiki)* [Nomadic societies (problems of formation characteristics)]. Vladivostok : Dal'nauka.
67. Grinin, L.E. (2007) *Gosudarstvo i istoricheskiy protsess. Politicheskii srez istoricheskogo protsessa* [The state and the historical process. Political cross-section of the historical process]. Moscow: KomKniga.

Сведения об авторе:

Давыдов Сергей Анатольевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: licurg@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Davydov Sergey A. – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Personnel Management, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: licurg@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2022; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 29.05.2022; accepted for publication 01.08.2025